

Когда я вернулся домой, моих родителей уже не было. Оказалось, что они уехали в очередную поездку за границу, пока я был в школе. Домработница тоже ушла, предположительно, за продуктами. Дом был совершенно пуст.

Я направился напрямик в свою комнату и бросил сумку. Мой мозг весь день работал сверхурочно, и теперь я был измотан. Мое тело обмякло в кресле. Я хотел отдохнуть. Я вздохнул, почувствовав слабое тепло на лбу. В этом месте, где воздух был наполнен только моим присутствием, меня охватило странное и едва уловимое ощущение.

Пустой дом. Усталое тело. И то, что мне восемнадцать.

Это сочетание иногда приводило меня в особое состояние осознанности.

Я на мгновение огляделся. Действительно ли, никого не было дома? Только после двух-трех подтверждений я осторожно взялся за пояс. Немного поколебавшись, я взял со стола коробку с салфетками и поставил ее рядом с собой. Запереть дверь, было само собой разумеющимся.

Крепко прижавшись бедрами к полу, я возился с застежкой своих брюк. Моя неуверенная рука вскоре скользнула внутрь. Когда я слегка приподнял бедра, пояс уже был спущен чуть ниже. Вместе с ним сползло и нижнее белье. Вид черных форменных брюк и тонкого нижнего белья, собранного в кучку, выглядел слишком откровенно. Это также было немного отталкивающе.

Я коротко выдохнул через нос и обхватил себя руками. Сначала я только коснулся пальцами.

Мои бедра напряглись. Мои ноги согнулись сами по себе. Мне показалось, что в колени сзади вонзились иголки. Одна провокационная картинка за другой промелькнули у меня в голове. Как раз в тот момент, когда я был близок к пику своего возбуждения, в моей голове внезапно возникла особая сцена.

— Если она мокрая, ты должен вылизать ее досуха, верно?

Черт возьми. Это была последняя мысль, прежде чем у меня подогнулись пальцы на ногах.

—...Какого черта это пришло мне в голову?

В самом деле, почему? Я размышлял над этим, бросая салфетки в унитаз. Звук закрывающейся крышки и шум смыва наполнили ванную, на мгновение заглушив мои мысли.

После долгих размышлений я пришел к выводу, что извращенные шутки Го Ёхана, как ни странно, пришились мне по вкусу.

Класс был таким же туалетом. Грязная выгребная яма, где смешались все виды отходов.

С этого лета я начал презирать класс.

Но даже в этой грязи можно найти что-то привлекательное.

Например, маленькие острые клыки Го Ёхана.

Сегодня я опоздал в школу. Я проспал.

Хан Джун У пришлось прийти пораньше именно в тот день, когда я опоздал.

Как только я открыл дверь класса, я встретился взглядом с его темными, ввалившимися глазами. Он смотрел на меня, и я не отвел взгляда.

Может быть, это была упрямая гордость — на что он смотрит?

Поправив ремешок своей сумки, я пошел своим обычным шагом, не слишком быстрым и не слишком медленным, и поставил сумку на свое место.

Церемония окончания семестра была короткой.

Директор что-то бормотал по радио в течение десяти минут во время утреннего собрания, и на этом все закончилось.

Как только он закончил, студенты, которые не остались на дополнительные занятия, бросились собирать свои вещи.

— Тихо! Я не говорила, что вам уже можно уходить!

— О, учитель! Мы не знали, что это займет десять минут, так что не могли бы вы отпустить нас побыстрее?

— Мне нужно кое-что сказать, так что присаживайтесь!

Наша классная руководительница несколько раз стукнула тетрадью посещений по подиуму.

Поначалу она была неуклюжей и неуверенной, но, столкнувшись с безжалостным хаосом восемнадцатилетних пареей, она стала гораздо более компетентной.

— Когда каникулы закончатся, вы, ребята, станете выпускниками, да? Теперь вы на заключительном этапе этой долгой битвы за вступительные экзамены в колледж. Не сдавайтесь до самого конца. Вы все - настоящие занозы, но вы все еще мои ученики, так что я не откажусь от вас. Если что-нибудь случится, позвоните мне. У вас у всех есть мой номер, верно? Если кто-нибудь из вас вздумает шутить над кем-то, позвоните мне, я этого так не оставлю. Я сниму баллы или позабочусь о том, чтобы ваш следующий классный руководитель отметил вас как проблемного ученика. Вы предупреждены. Хорошо! Приятного вам отдыха. Если вы остаетесь на дополнительные занятия, сначала сделайте небольшой перерыв. Если нет, то не мешайте тем, кто занимается, и просто идите домой.

— О, учитель, я тронут!

— Тихо! Можете идти.

Ким Минхо, у которого кружилась голова от предвкушения каникул, издал отвратительный стон.

Остальные ученики либо притворились, что их тошнит, либо присоединились, передразнивая его преувеличенными криками: А-а-а! А-а-а!

Конченные идиоты.

— До свидания, учитель!

Раздался голос классного руководителя, за которым последовала волна вялых прощаний.

И вот так начались летние каникулы.

— Итак, если вы вставите это число в формулу...

— Ха-а-а.

Рядом со мной раздался громкий зевок.

Я повернул голову и, как и ожидал, это был Го Ёхан.

Как будто это было само собой разумеющимся, он сохранил за собой место рядом со мной даже во время летних каникул.

Ученик, который изначально сидел там, не записался на дополнительные занятия, так что место все равно было свободным. Разрешение не требовалось.

Он зевнул так широко, что на глаза навернулись слезы.

Я легонько стукнул его по руке тыльной стороной механического карандаша.

— Хочешь спать?

— Если математика не вызывает у тебя сонливости, значит, ты ненормальный.

Я усмехнулся его бесстыдному замечанию. Он был прав.

Треть учеников в классе уже задремали.

Включая Ёхана.

У меня мелькнула игривая мысль.

— Хочешь, я тебя разбужу?

Ёхан, полуприкрыв сонные глаза, пробормотал:

— Ммм.

Должно быть, он действительно был сонным — его голос звучал глухо.

Это было несложно.

Я положил механический карандаш на стол рядом с рукой Ёхана и изобразил, как провожу пальцами по поверхности. Затем быстрым движением схватил его бледное запястье.

Слегка повернув его, я щелкнул по наиболее уязвимому месту между указательным и средним пальцами.

— Ах!

— Ёхан, какого черта ты делаешь?

По-видимому, у учителя математики был очень острый слух.

Его раздраженный голос раздавался из передней части класса, когда он писал формулы на доске.

— Я порезал бумагу в учебнике.

Как бесстыдно он лгал. Лгал ли он каждым своим вздохом? Почему это получилось так естественно?

Я прикрыл рот рукой, чтобы сдержать смех, который вот-вот должен был вырваться наружу.

Го Ёхан взглянул на учителя математики и шепотом пожаловался мне.

— Это было больно.

— Ты просил меня разбудить тебя.

— Я просил тебя разбудить меня, а не заставлять кричать.

— Это ты кричал. Почему ты обвиняешь меня?

— Эй, ты...

Го Ёхан бросил на меня недовольный взгляд.

Когда я вздрогнул, он быстро прошептал мне на ухо.

— Камень, ножницы, бумага — проигравший терпит то же самое.

— Хэй!

Черт возьми, это выражение лица было частью его плана.

Должно быть, он сделал это, чтобы усыпить мою бдительность.

Го Ёхан бросил ножницы. Я бросил бумагу.

Я проиграл.

Го Ёхан с торжествующим видом приподнял уголок рта и пошевелил пальцами.

Я слегка прикусил губу и закатал рукав.

Учитель математики писал на доске бессмысленные формулы.

Сейчас самое время.

Го Ёхан огляделся, прежде чем ударить меня по запястью.

Я быстро закрыл рот и опустил голову. Рука, по которой он ударил, оказалась зажатой между колен.

Ах, это было больно.

Краем глаза я заметил, как Го Ёхан подпер подбородок рукой, делая вид, что смотрит на свой стол.

— Эй. Не шумите.

Учитель математики предупреждающе понизил голос, но его все равно никто не слушал.

Те, кто был хорош в учебе, занимались самообучением.

Самые обычные из них прятали наушники под рукавами и слушали онлайн-лекции.

С задней парты я мог видеть слабое свечение экранов телефонов, спрятанных под партами.

— Камень, ножницы, бумага — проигравший проигрывает.

На этот раз я пошел первым.

Но на этот раз я бросил камень.

Го Ёхан бросил бумагу.

Как и раньше, Го Ёхан провел ладонью по моему бедру.

При каждом легком прикосновении мое бедро дергалось.

Наконец он вытащил мое запястье из-под колен и ухмыльнулся.

— Теперь тебе конец. Я ведь не обещал, что спасу тебя? Хм?

— Полегче. Полегче...

— Единственная легкая вещь здесь - это то, что я держу в руках.

Я стиснул зубы. Неужели ты не можешь ударить легонько? Просто ударь легонько, хорошо?

— Кан Джун.

Игривый голос стал хриплым и глубоким.

Мое сердце упало к полу, а затем взлетело к потолку.

Я подавил панику, с трудом сглотнув, и поднял голову.

И вот оно.

Причина всех моих эмоций.

Глаза, пристально смотревшие на меня, были темными и сосредоточенными.

Беззаботный Го Ёхан исчез.

Остался только странный Го Ёхан.

Эта мгновенная перемена подняла мне настроение.

— Это было бы совсем не весело.

Тихий шепот защекотал мне ухо.

Его длинный большой палец медленно провел по моему покрасневшему запястью.

В моем солнечном сплетении поселились две иронические эмоции.

Трепет, который испытывали мои инстинкты, и страх, который испытывал мой разум.

Все началось с волнения, но, в конце концов, страх поглотил меня.

Причина всегда была одна и та же.

Потому что я не хотел, чтобы меня ненавидели.

Потому что я не хотел раскрывать все свои эмоции.

Если так будет продолжаться, он может услышать, как бьется мое сердце.

Нет.

Ни за что. Я скорее умру, чем позволю этому случиться.

Я отчаянно крутил рукой, пытаюсь высвободить ее.

Но у меня ничего не вышло.

Го Ёхан не ослабил хватки.

Сила была такой, что мое запястье побелело.

Я был взволнован.

Я смотрел на него, словно умоляя.

— Отпусти меня.

—...

Игривое выражение исчезло из черных глаз Го Ёхана, когда он пристально посмотрел на меня.

Этот пристальный взгляд заставил меня разволноваться еще больше.

Почему он так смотрел на меня?

Выражение его лица было таким незнакомым, я понятия не имел, что у него в голове.

Мое сердце колотилось так, словно вот-вот разорвется.

Его длинные пальцы сжали мое запястье и крепко погладили его.

Это было странно принуждающе.

Он должен был заметить.

Он должен был заметить, как бьется мое сердце.

Эта настойчивость только усилила мое беспокойство.

Я стиснул зубы и изо всех сил попытался вырвать свою руку.

Мои пальцы побелели, стали почти мертвенно-бледными.

— Отпусти меня...

Наконец, Го Ёхан открыл рот.

— Тот раз, с запиской.

— Эй, я же просил не шуметь!

Резкий крик прервал его слова.

Кусочек мела пролетел по воздуху.

На этот раз мне не повезло.

— Ах!

Острая боль пронзила мою щеку.

Я инстинктивно схватился за лицо и быстро поднял взгляд.

Учитель математики, выглядевший совершенно разъяренным, ткнул в меня пальцем.

— В следующий раз это не закончится простым предупреждением.

— ...Извините .

Черт возьми.

Вокруг было полно других учеников, но почему он придирался только ко мне?

Как только я ответил, учитель отвернулся и начал писать бесполезные каракули на доске.

Было не очень больно.

Но меня это разозлило.

Почему, черт возьми, это должен был быть мел?

Я потер щеку.

Затем длинные холодные пальцы скользнули по моим собственным.

Они скользнули между моими пальцами, проникая внутрь.

Они легли на мою руку, прикрыв ту часть щеки, до которой я не мог дотянуться.

Оставшимся большим пальцем он медленно провел по моей щеке, совсем рядом с носом.

Го Ёхан слегка наклонил голову.

Солнечный свет за его спиной отбрасывал на него сияние.

Он беззвучно произнес:

— Прости.

Я застыл на месте.

Я не отстранился.

Я не сопротивлялся.

Я был скован атмосферой.

К счастью, мой рациональный ум сработал.

Я поспешно отдернул руку и отвернулся.

Но, хотя прикосновения больше не было, я все равно чувствовал его.

Я все еще была захвачен этим странным ощущением.

Настолько, что даже не смог заставить себя спросить, что он имел в виду о записке.

Верно.

В Го Ёхане была какая-то странная мягкость.

Блять.

Я прикусил губу и уставился на доску.

Это был неудачный выбор.

Если бы я только подождал еще минуту, прежде чем поднять глаза.

Потому что в этот самый момент я встретился взглядом с Хан Тэсаном.

Он наполовину повернулся на своем стуле.

Он наблюдал.

Наблюдал за мной.

Наблюдал за всем, что я делал.

—...

Чтобы скрыть свои эмоции, я быстро схватил механический карандаш и уткнулся в тетрадь.

Мое сердце все еще бешено колотилось.

<http://bllate.org/book/12586/1118487>